Опечатки

Автор:
Терри Пратчетт

Опечатки

Терри Пратчетт

Fanzon. Все о великих фантастах

Сборник статей и эссе знаменитого создателя Плоского мира Терри Пратчетта. Он легко и с юмором рассказывает о писательском закулисье. Но у смеха всегда есть изнанка – и у Пратчетта, мастера слова, это серьезные и пронзительные размышления о свободе и праве человека на смерть.

Терри Пратчетт

Опечатки

Сборник

Terry Pratchett

A Slip of the Keyboard

© Terry and Lyn Pratchett, 2014

Cover Art © 2011 by Paul Kidby

© И. Нечаева, перевод на русский язык, послесловие, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

Вы держите в руках сборник слов, охватывающий всю мою карьеру. Поэтому я могу посвятить эту книгу только тем восхитительным людям, которые работали вместе со мной или помогали мне самыми разными способами[1 - Они очень хотели помочь и почти всегда делали это с отвратительной жизнерадостностью. (Здесь и далее примечания принадлежат автору, если не указано обратное.)] в течение многих лет.

Назову хотя бы некоторых: мои почтенные издатели Колин Смайт, Ларри Финлей, Марианна Вельманс, Филиппа Дикинсон, Сюзанна Бридсон, Малкольм Эдвардс и Патрик Дженсон-Смит. Любители слов: Катрина Вон, Сью Кук и Элизабет Добсон. Любимые редакторы: Саймон Тейлор, Ди Пирсон, Кирстен Армстронг, Дженнифер Брел и Анна Хопп. Всегда бодрые и готовые к работе журналисты Салли Рей и Линси Далладей. Господин меломанов – доктор Пэт Харкин. Мои друзья: Нил Гейман, профессор Дэвид Ллойд и один негодяй по имени мистер Бернард Пирсон. Управляющий директор «Нарративии» и еще больший негодяй Род Браун. Мои соавторы: Стив Бакстер, Жаклин Симпсон, Джек Коэн, Иэн Стюарт и мой личный картограф/драматург/носитель лосин и человек тысячи голосов[2 - Если они все говорят с валлийским акцентом.], Стивен Бриггс. Художники: Пол Кидби, Джош Кирби и Стивен Плеер. Мои очаровательные помощники Сандра и Джо Кидби. Спасибо Джейсону Энтони за «Ежемесячник Плоского мира», Элизабет Олвей за Гильдию фанатов и последователей и Стиву Дину за великолепный «Набалдашник посоха». Отдельного упоминания заслуживает глава Гильдии воров, человек, который способен на всё, мистер Джосайя Боггис/Дэйв Ворд[3 - Удалить ненужное.]. И «Голова королевы», где подают восхитительные маринованные яйца и рагу из капусты с картофелем. Спасибо всем, кто организовал или пережил хотя бы один конвент Плоского мира как участник или организатор, а особенно их основателю Полу Кружицки. И всем, кто помогал мне или не мешал, а особенно Робу, который тихо работает, и без которого…

Спасибо всем. Спасибо.

Предисловие

Я хочу рассказать вам о своем друге Терри Пратчетте, и это будет нелегко. Я расскажу то, чего вы, скорее всего, не знаете.

Кто-то из вас встречал некоего обходительного джентльмена с бородой и в шляпе и воображает, что видел сэра Терри Пратчетта. Это не так.

На фантастических конвентах к вам часто приставляют человека, который водит вас с одного мероприятия на другое и следит, чтобы вы не потерялись. Несколько лет назад мне попался человек, который приглядывал за Терри на техасском конвенте. Он чуть не расплакался, вспомнив, как водил Терри с лекции к книготорговцам и обратно.

– Сэр Терри – очаровательный старый эльф, – сказал он.

«Вот уж нет», – подумал я.

В феврале 1991 года мы с ним ездили в автограф-тур с «Благими знамениями», романом, который написали в соавторстве. Я мог бы рассказать массу смешных и правдивых баек об этом туре. Терри использует эти истории в своих книгах. И сейчас я расскажу чистую правду – просто обычно мы об этом не говорим.

Мы были в Сан-Франциско. В книжном магазине нам пришлось подписать примерно дюжину книг, которые они заказали. Терри посмотрел в расписание. Дальше нас ждала радиостанция: нам предстояло дать часовое интервью в прямом эфире.

– Судя по адресу, тут всего квартал, – сказал Терри, – а у нас еще полчаса. Пошли пешком.

Это случилось давно, в те чудесные времена, когда не существовало еще GPS-навигаторов, мобильных телефонов, приложений для вызова такси и других подобных полезных вещей, которые могли бы подсказать нам, что до радиостанции никак не несколько кварталов. Скорее несколько миль. В гору. В

основном через парк.

Каждый раз, натыкаясь на телефон-автомат, мы звонили на радиостанцию и говорили, что да, да, мы опоздали на эфир, и что мы бежим со всех ног, вот вам крест (на насквозь пропотевшей груди).

По дороге я пытался придумать что-нибудь бодрое и оптимистичное. Терри молчал. Так молчал, что было совершенно ясно: что бы я ни сказал, будет только хуже. Я ни разу не заикнулся о том, что ничего этого не случилось бы, если бы мы просто попросили книжный магазин вызвать нам такси. Некоторые слова назад не возьмешь, и после них нельзя остаться друзьями. Это были бы именно такие слова.

Мы добрались до радиостанции, которая стояла на вершине холма, очень далеко отовсюду, опоздав на свое часовое интервью минут на сорок. Мы ввалились в студию мокрые, тяжело дыша, а там как раз передавали срочные новости. В местном «Макдоналдсе» кто-то стрелял в людей. Так себе подводка к интервью, если ты собираешься говорить о веселой книге о конце света и о том, что нам всем предстоит погибнуть.

Люди с радио на нас страшно злились, и их можно было понять: импровизировать, когда гости опаздывают, невесело. Полагаю, что и оставшиеся нам пятнадцать минут в эфире вышли не слишком веселыми.

(Позднее мне сказали, что эта радиостанция в Сан-Франциско внесла нас с Терри в свои черные списки на несколько лет, потому что Боги Радио не прощают тех, кто заставляет ведущих сорок минут изворачиваться, заполняя эфир.)

Так или иначе, к концу часа всё завершилось. Мы поехали обратно в отель. На этот раз на такси.

Терри пылал безмолвным гневом: подозреваю, что в основном он злился на себя. Ну, еще на мир, который не сказал ему, что расстояние от книжного до радиостанции значительно больше, чем ему показалось. Он сидел на заднем сиденье рядом со мной, белый от ярости. Комок злости. Я сказал что-то обнадеживающее, пытаясь его успокоить. Может быть, что-то такое:

– Ну ладно, в конце же всё разрешилось. Это же не конец света. Хватит злиться.

Терри посмотрел на меня и сказал:

– Не надо недооценивать мой гнев. Без него не было бы «Благих знамений».

Я подумал о том, как энергично пишет Терри, как он тянет за собой нас всех, и понял, что он прав. В его текстах есть злость. Именно злость стала той силой, которая создала Плоский мир. Если поищете, вы ее найдете. Злость на директора школы, который посмел подумать, что шестилетний Терри недостаточно умен для экзамена «одиннадцать плюс». Гнев на претенциозных критиков, которые считают, что смешное – это противоположность серьезному. Злость на первых американских издателей, которые не могли нормально представить его книги.

Именно злость всегда питала его работу. К тому моменту, когда эта книга подойдет к концу и Терри узнает, что болен редкой формой ранней болезни Альцгеймера, гнев его уже найдет себе другие мишени. Теперь он злится на свой мозг, свою генетику и даже на страну, которая не позволяет ему (и другим людям, оказавшимся в невыносимой ситуации) самим выбрать время и способ ухода из жизни.

И кажется мне, что эта злость основана на свойственном Терри глубоком чувстве справедливости.

Именно это чувство лежит в основе всех его работ и книг. Именно оно выгнало его из школы в журналистику, потом в Центральный совет по выработке электроэнергии и, наконец, сделало его одним из самых популярных и продаваемых писателей в мире. И это же чувство справедливости заставляет его в этой книге, пусть порой и мельком, походя, всё же упоминать решительно всех людей, которые на него повлияли. Например, Алана Корена, придумавшего множество техник короткой юмористической прозы, которыми мы с Терри пользовались все эти годы. Или же блестящий и неповоротливый «Брюэровский фразеологический словарь» и его составителя, преподобного Эбенезера Кобэма Брюэра, самого прозорливого из авторов. Предисловие Терри к «Словарю» меня немало повеселило. Мы в восторге звонили друг другу, обнаружив новый, доселе неведомый вариант этой книги («Эй, у тебя уже есть экземпляр “Словаря чудес подражательных, реалистических и догматических”»?).

Собранные здесь вещи охватывают всю писательскую карьеру Терри, со школьных времен до эпохи Рыцарства Королевства букв, и они всё еще образуют единое целое.

Они не датированы, если не считать упоминаний специфического компьютерного «железа» (полагаю, что если только Терри не отдал его на благотворительность или в музей, он может до сих пор сказать, где хранится его «Атари Портфолио» и сколько он заплатил за дополнительную карту памяти объемом в совершенно немыслимый один мегабайт). Автор этих эссе всегда говорит голосом Терри: добродушным, разумным, компетентным, суховатым и немного удивленным. Возможно, если вы читаете быстро и не особо обращаете внимания на такие вещи, вы можете счесть его веселым.

Но вся эта веселость таит под собой гнев. Терри Пратчетт не из тех, кто безропотно уходит во тьму, вечную или нет. Уходя, он злится на очень многое. На глупость, несправедливость, человеческую недалекость и близорукость, а вовсе не только на умирание света. Хотя и на него тоже. И рука об руку с гневом – так демон под руку с ангелом уходят в закат – идет любовь. Любовь к людям со всеми их грехами, к некоторым драгоценным для него вещам, к историям, и прежде всего, любовь к человеческому достоинству.

Другими словами, гнев – это его топливо, но именно величие духа привлекает этот гнев на сторону ангелов или (так лучше для нас всех) орангутанов.

Терри Пратчетт – вовсе не веселый старый эльф. Ничего подобного. Он намного больше этого.

Терри слишком быстро сходит во тьму, и на это я тоже страшно злюсь. На несправедливость, которая лишит нас… чего? Еще двадцати или тридцати книг? Еще одной полки, полной идей, великолепных фраз, старых и новых друзей, историй, в которых люди делают именно то, для чего рождены на этот свет – то есть используют голову, чтобы вылезти из тех проблем, в которые не залезли бы, если бы хоть немного подумали раньше? Еще книги или двух вроде этой, с журналистикой, агитпропом и даже редкими предисловиями? Но, честно говоря, потеря всего этого не так уж меня и сердит. Мне от этого грустно, но я видел создание некоторых книг вблизи и понимаю, что каждая книга Терри – это маленькое чудо, и у нас их и так уже больше разумного, а жадность – плохое чувство.

Я злюсь, потому что скоро потеряю друга.

И думаю: «А что бы Терри делал, если бы так злился?»

И тогда я беру ручку и начинаю писать.

Нил Гейман

Нью-Йорк, июнь 2014 года

Нежданный бумагомаратель

О книжных магазинах, драконах, письмах от фанатов, сэндвичах, орудиях труда, злости и всем прочем, что составляет жизнь Профессионального писателя

Развитие мысли

Журнал 20/20 Magazine, май 1989 года

Немного писанины о писанине. Внимательные читатели заметят, что в это время мои мозги занимали «Мелкие боги».

Это всё – довольно точное описание творческого процесса…

Проснуться, позавтракать, включить текстовый редактор, попялиться в экран.

Еще немного попялиться в экран.

Продолжать пялиться в экран, прислушиваясь, не идет ли почтальон. Если хоть немного повезет, почты будет много, и утро можно будет провести за напряженной работой. Последний роман только что ушел к издателю. Делать совершенно нечего. Мир превратился в черную дыру.

Прибывает почта. Одно письмо написано на листочке с Холли Хобби. Просьба о фотографии с автографом.

Ладно, ладно, можно заняться исследованиями. Для следующего сюжета о Плоском мире необходима информация о черепахах. Приходит смутная идея, что говорящая черепаха сыграет важную роль в книге. Не представляю, почему. Черепахи просто всплыли из подсознания. Может быть, это потому, что мои собственные черепахи вышли из спячки и теперь пародируют Бертрана Рассела где-то в теплице.

Найти книгу о черепахах в ящике в свободной комнате.

Надо как можно скорее переделать книжные шкафы (очень умно было сделать их в гараже, всё подогнать, используя угольники и всякое такое, покрыть двумя слоями лака, потом принести в дом, собрать на правильные штыри и клей и расставить сотни книг в идеальном порядке. Интересный научный эксперимент: что же случится с деревом, которое провело несколько недель в холодном влажном гараже, если внезапно перенести его в теплую сухую комнату? В три часа утра обнаружилось, что все полки вдруг усохли на одну восьмую дюйма).

Интересное примечание в книге о черепахах напоминает нам, что самая знаменитая черепаха в истории – та, которая упала на голову знаменитому греческому философу… как бишь его? Очень знаменитый мужик, что бы там ни случилось у него с черепахой. Внезапно охватывает желание выяснить подробности этой истории. В том числе мысли черепахи по этому поводу. Почему-то кажется, что это Зенон, но это точно не он.

На то, чтобы выяснить, что это был Эсхил, уходит двадцать минут. Не философ, а драматург. В его руках ранняя драма стала почти религией, превратилась в площадку для разрешения глубинных этических конфликтов, восхваляла великолепие языка и мысли. А потом немного свиста, и все ложатся спать. Из интереса прочитать про Зенона. А, это тот, кто говорил, что с точки зрения логики невозможно догнать черепаху.

Надо было сказать это Эсхилу.

Теперь надо еще навести справки о молитвенных барабанах и – без всякой особой причины – об Уильяме Блейке. Ответить на звонок какой-то леди, которая интересуется, не к дантисту ли она попала.

Вот теперь точно пора приступать к работе. Пружина творчества сжата до отказа.

Перейти к делу. Для начала сделать бэкап диска.

Вот что хорошо в текстовых редакторах. В старые недобрые дни пишущих машинок, когда вдохновение тебя покидало, приходилось чинить карандаши и булавкой чистить букву «е». Но текстовый редактор предоставляет бесконечные возможности повозиться с ним. Писать макросы. Подстраивать часы. И прочая, и прочая. Хорошая честная работа.

Сидение перед экраном и клавиатурой – само по себе работа. Тысячи офисов функционируют по этому принципу.

Пялиться в экран.

Почему орел сбросил на писателя эту чертову штуку? Точно не для того, чтобы ее расколоть, хотя в книге так и написано. Орлы не идиоты. Греция вся покрыта скалами, каким образом орел с ювелирной точностью попал в лысую голову Эсхила? Как вообще произносится это имя?

Орфоэпический словарь лежит в коробке на чердаке.

Стремянка в гараже.

Машину пора помыть.

Обед.

Отлично поработал утром, чего уж тут.

Вернуться к экрану.

Пялиться в экран.

Звонит еще одна дама, спрашивает, рай ли это (номер мотеля по соседству явно отличается от нашего всего на одну цифру). Выдумать забавный ответ номер три.

Пялиться в экран.

Может быть, это вовсе не вина орла, он просто делал свою работу, он выполнил столько миссий, господи, тебя же могут выгнать из орлиной авиации, если ты будешь слишком много думать о невинных философах, которым швыряешь черепах в голову. Уловка-22. Нет.

Пялиться в экран.

Нет. Это совершенно точно была идея черепахи. Она точила зуб на автора – наверное, он оскорбил черепах в своей последней пьесе. Какие-нибудь скористские шутки. Или он носил очки в черепаховой оправе. Ублюдок, ты убил моего брата! Она угнала орла, вцепилась несчастной птице в ноги, как черепаха на старом логотипе «Друзей Земли», приглушенным голосом бурчала указания, вектор 19, бип-бип-бип, Джеронимо-о-о-о-о…

Пялиться в экран.

Может быть, отчаявшаяся черепаха могла цепляться за другую часть орлиного тела?

Посмотреть статью о биологии птиц в энциклопедии. Энциклопедия лежит в коробке на лестнице. Черт.

Ужин.

Пялиться в экран. Вертеть идеи в голове. Черепахи, лысина, орлы. Хм… нет, вряд ли дело в пьесах. Кого еще черепаха может мгновенно невзлюбить?

Полночь…

Пялиться в экран. Правая рука вдруг нажимает клавишу и открывает новый файл. Дышать очень медленно.

Написать тысячу девятьсот сорок три слова.

Отправиться в постель.

За весь день мы так и не собрались ее застелить.

Наладонник

The Independent, 9 июля 1993 года

Такие компьютеры принято считать портативными, но на самом деле это неправда. Мой старый Olivetti можно использовать вместо якоря. Возможно, они всё еще работают – я хорошо с ними обращался. И хотя они все мне больше не нужны, я никак не могу заставить себя выбросить этот винтаж.

Я помню свой первый портативный компьютер. Он весил пятнадцать фунтов. Отдельный блок питания больше всего напоминал небольшой кирпич. Эта чертова штука меня чуть не убила.

Следующий весил едва восемь фунтов, но все равно походил на кирпич (поменьше). Мне казалось, что он легкий, пока однажды мне не пришлось нестись через аэропорт вместе с ним.

Тогда до меня дошло, что не так. В чем мякотка и проблема самой идеи портативных компьютеров, что их все объединяет. Считается, что вы должны таскать их за собой. Что хорошего в машине, которая не влезает в чемодан вместе со всем остальным, что вы обычно в него складываете? Восемь фунтов –

это не портативно. Это отдельная единица багажа.

Я никогда не мог понять, почему в обзорах портативных компьютеров первым делом не упоминается вес. До сих пор его пишут мелким шрифтом внизу страницы, потому что обзорщиков гипнотизируют сверкающие диски и сияющие экраны. Дайте им потаскать этот компьютер денек-другой, вот что я скажу. Пусть носят его с собой, пусть работают в фойе студий, в отелях и на заднем сиденье такси.

Я вырос на научной фантастике. Там у всех были карманные компьютеры, которые умели разговаривать, вести дневники и управлять целыми планетами. И никто не зарабатывал из-за этого грыжи. Не понимаю, почему сейчас всё по-другому. Я пострадал из-за противоположности футурошока (как она там называется? футурошит?). Я не хочу, чтобы мне оттянуло руки до колен, но мне нравится иметь при себе компьютер.

Тогда я познакомился с миром наладонников.

Везде есть свой жаргон. Когда-то были большие компьютеры, которые стояли на столах, и были портативные (более или менее). Теперь есть ультрабуки, нетбуки, персональные цифровые ассистенты, наладонники и карманные компьютеры. Это весьма вольная классификация по размеру, весу и прихоти человека, который об этом говорит. Но они все маленькие и легкие.

Все эти устройства занимают сумеречную зону между ноутбуками (ранее упомянутые портативные компьютеры, хотя теперь новые машинки умеют намного больше, чем те, что были у меня, и весят около шести фунтов, не считая совсем маленького кирпичика зарядки) и калькуляторами.

Первым моим приобретением стал Atari Portfolio, который я купил пару лет назад. Он весил около фунта и был снабжен встроенными программами, включая обычную приманку для яппи – «электронный органайзер», то есть простенький текстовый редактор, калькулятор, таблицы и телефонную книгу. Текстовый редактор был неплох, я написал в нем десятки тысяч слов, хотя, конечно, небыстро. Но он был не идеален.

Правило номер один: вес очень важен. Правило номер два: а что еще вам нужно?

Сэр Клайв Синклер сумел вывести на рынок первый компьютер дешевле 99 фунтов, изменив само понятие компьютера. Вам не нужен отдельный монитор, или большая встроенная память, или стандартные коммуникационные порты, или клавиатура, пригодная для длительной печати, если вы готовы подключить машинку к телевизору, хранить программы на обычном магнитофоне и печатать очень ме-е-едле-енно и осторожно. Такому компьютеру не нужно было больше одного килобайта памяти. Его и не было.

С тех пор я начал опасаться устройств, которым нужны дополнительные детали, чтобы стать не просто полезной игрушкой. Чтобы память Portfolio выросла до какой-то приемлемой цифры, понадобился дополнительный модуль. Плюс сравнительно большой внешний модуль, чтобы компьютер мог печатать. И еще один, чтобы пользоваться последовательным портом. Без этих дополнительных устройств все данные оставались в самом компьютере. Теоретически их надо было оставлять дома. Но когда я надолго уезжаю, то много пишу, и очень нервничаю, если не могу распечатать результат или скинуть его на другую машину.

Кроме того, мне стало сложно проходить досмотр в аэропортах. Охрана нормально реагирует на обычный ноутбук, но ящик таинственных пластиковых деталек ставит ее в тупик. «Покажите, как это работает», – просили они. «Конечно, – отвечал я, – будьте любезны предоставить мне доступ к розетке и лазерному принтеру».

Я обнаружил слишком много маленьких и легких устройств, в описании которых фигурировало слово «опциональный». Это означает, что вам придется дополнительно платить, чтобы работать нормально…

После двух лет поисков я остановился на Olivetti Quaderno, и сейчас я печатаю именно на нем. Он обошелся мне почти в шестьсот фунтов. Должно быть, это одна из первых машинок, которые продали в прошлом году. (Пионеры понесли заслуженное наказание. Мой агент купил такой же через пару месяцев, и там уже был дополнительный дисковый привод, а сейчас они сильно снизили цену, не говоря уж о появлении новой, более мощной модели.) Что это такое? А это, попросту тот настольный компьютер, который я купил в 1985-м, ужатый до формата А5 и одного дюйма в толщину. Весит он чуть больше двух фунтов. Я никогда не взвешивал маленькое зарядное устройство и аккумулятор, но никогда и не замечал их веса. Он отлично влезает в чемодан. Да его потерять можно в чемодане. И что самое важное, на компьютере работают все мои

программы, собранные за годы проб и ошибок.

Там работают резидентные программы вроде Sidekick и несравненная Info Select. Работает WordPerfect 4.2 (классическая версия). Мне не приходится таращиться в экран размером с почтовый конверт и пользоваться программами, которые выбрал для меня кто-то другой. У меня есть жесткий диск объемом двадцать мегабайт – а это значит, что я могу написать на нем целый роман и сохранить его весь. Прямо сейчас на диске лежит полромана.

Вы спросите: ну да, а как же клавиатура? Ну, она лучше, чем любые испробованные мной клавиатуры того же размера – у Hewlett-Packard HP 95LZ, довольно интересной машинки, кнопки, как у калькулятора, – и я могу печатать на ней вслепую.

Вы спросите: ладно, а работает ли там Windows? Нет, ни один преданный пользователь Windows на это не пойдет. Для Windows нужен экран высокого разрешения, 386-й процессор, куча оперативной памяти и еще пользователь, работающий за зарплату, который мог бы тратить долгие часы в офисе на игры с цветами и выбор новых супериконок. Мне всё это не нужно. И экран у Quad темный. Подсветки нет, так что нужно хорошее внешнее освещение.

Но это настоящий компьютер, и он работает. Это не игрушка. Я могу носить с собой текущую работу, и дневник, и таблицы, все известные мне версии, и всё это легко переносится с Quad на офисную машину. Экран темноват, но при этом выглядит как уменьшенная версия знакомого мне экрана. Если бы пришлось, я мог бы обойтись только этим компьютером.

Пока, кирпичи. Это действительно портативная штучка.

Я не пробовал работать на ней, сидя на горе Улуру. Но если бы хотел, легко бы это устроил.

Главное слово

Взнос в «Слово», Лондонский литературный фестиваль, 2000 год

Господи, кто за этим всем следит? Если автор в Великобритании достиг определенного уровня занятости, газеты начинают заваливать его бесконечными просьбами написать что-нибудь. «Это займет всего несколько минут вашего времени». Какое-нибудь рассуждение на тему самой любимой ложки. Кто-то когда-то придумал, что это хорошая реклама.

Но несколько лет назад в рамках большого британского литературного фестиваля проводили довольно легкомысленный опрос, выявляя любимое слово нации. Это мой вариант[4 - А еще я использовал это слово на первой странице «Маленького свободного народца». Не помню, какое слово выбрала нация. «Бэкхем», наверное.].

Мне нравится случайная звукоподражательность слов, которые обозначают безмолвные вещи и понятия.

Блеск, вспышка, сверкание… именно так звучал бы свет, если бы умел издавать звуки. «Блеск» – резкое и быстрое слово, оно само по себе блестит. А если бы жирная поверхность разговаривала, она бы маслилась. А «нега» звучит так, как будто мягкая зефирка тает на теплой тарелке.

Но я стою за другое слово:

ШУШУКАНЬЕ

…Оно происходит от латинского susurrus, то есть «шепот» или «шелест». Это совсем тихий звук. Но он напоминает о заговорах, тайнах и удивлении. Именно такой шум производит меч, вытащенный из камня – за мгновение до того, как толпа начнет чествовать нового короля.

Как стать профессиональным боксером

Предисловие к «Ежегоднику для писателей и художников-2006», 2005 год

Свой первый экземпляр «Ежегодника» (подержанный) я купил, когда мне было лет тринадцать или четырнадцать. Приношу свои извинения. Тогда я только что потратил десять шиллингов на «Брюэровский фразеологический словарь» в очень хорошем состоянии и ухлопал на это большую часть имеющихся денег. Я смутно осознавал, что это необходимо, чтобы стать писателем, и что профессионализм каким-то образом вытечет из книжки и безболезненно вольется в меня.

Я торжественно прочел его.

Было ли это полезное чтение? Пожалуй, да. Но вынужден сказать, что некоторые основные понятия уже проникли в мою жизнь благодаря научной фантастике. Бо?льшая часть писателей когда-то состояла в фэндоме. Многие фанаты собираются однажды стать писателями. Поэтому на большом конвенте, посвященном научной фантастике (задолго до того, как литературные фестивали стали новым рок-н-роллом), можно было встретить известных писателей, которые приехали за свой счет и объясняли основы целому залу подающих надежды новичков. Это называется «передача опыта».

Я делал заметки. Мне так никогда и не пришлось воспользоваться великолепным советом одного знаменитого автора, но я всё же им поделюсь: «Следите за отраслевой прессой. Когда редактор умирает, немедленно отправляйте ему или ей свой шедевр с сопроводительным письмом, адресованным этому почившему редактору. Из письма должно быть ясно, что вы уже сотрудничаете, что-то вроде: “Дорогой X, очень рад был получить ваше восхитительное письмо. Приятно, что вы заинтересовались моей книгой. Я внес все изменения, о которых вы просили…” Разумеется, упомянутого письма они не найдут. В издательствах ничего невозможно найти. Но кто-нибудь наверняка испугается и прочитает рукопись».

Прочитав и выслушав все добрые советы, я отправил рукопись своего первого романа в небольшое местное издательство. Я однажды встречался с главным редактором, и он показался мне хорошим человеком. Ему рукопись понравилась. Обо мне никто никогда не слышал, художественную литературу они раньше не издавали, так что денег мы не заработали. И на следующих двух романах тоже.

Четвертая книга оказалась первой книгой о Плоском мире. Не то чтобы о ней много говорили, но она довольно быстро разошлась, и судя по всему, судьба ее ждала неплохая. Издательство «Трансуорлд» немного помялось и выпустило ее в мягкой обложке. Через несколько лет я нанял своего бывшего издателя в качестве агента, и жизнь стала очень напряженной.

Мне повезло. Невероятно повезло, особенно если подумать обо всем, что могло случиться. Но когда вислоухий спаниель удачи тычется носом вам в руки, неплохо бы иметь в кармане ошейник с поводком. В моем случае это оказалось продолжение книги.

И лично, и в письмах мне постоянно задают один и тот же вопрос: «Как быть писателем? Дайте, пожалуйста, совет». И я чувствую блеск в глазах, надежду на то, что в этот раз случится чудо, я сниму охрану и отдам карту, ведущую к Святому Граалю. Ну, или ссылку на него дам. В последнее время я начал ощущать еще и беспокойство. Дескать, неужели грамматика, орфография и пунктуация имеют значение? («Разве у издателей нет для этого специальных людей?» – однажды спросили меня.) Заметьте, вселенной наплевать, что у вас нет времени.

Так что вместо всего этого я дам совет, как стать профессиональным боксером. Очень важна, разумеется, хорошая диета и ежедневные тренировки. Не забывайте о ногах, с ними часто бывают проблемы. Каждый день ходите в спортзал – каждый божий день, если вы только сумели встать. Пользуйтесь любой возможностью посмотреть на бой профессионалов. Смотрите вообще все бои, потому что вы можете научиться чему-то и у тех боксеров, кто всё делает неправильно. Не слушайте, что они говорят, смотрите, что они делают. И не забывайте о диете, тренировках и беге.

Всё поняли? Ну так вот: быть писателем – это то же самое, только не про бокс.

Да, всё так просто.

Брюэровский мальчик

Предисловие к «Брюэровскому фразеологическому словарю», издательство Millennium, 1999 год

Думаю, у каждого из нас есть свои критерии успеха. Меня попросили написать это предисловие – вот мой критерий. Это некоторым образом замыкает круг. У меня несколько полок уставлено разными изданиями «Брюэровского словаря», старыми и новыми, которые я покупал много лет.

Преподобный Эбенезер Кобэм Брюэр мечтал рассказывать людям разные полезные сведения. Среди прочего он написал «Руководство по знаниям», словарь чудес и «Краткий справочник аллюзий, ссылок, сюжетов и рассказов». Но обессмертил его имя все-таки фразеологический словарь. Эта книга… ладно, читайте об этом ниже.

Я проверял. Мой экземпляр всё еще стоит на полке. А теперь читайте дальше.

Я был брюэровским мальчиком. Свой первый подержанный экземпляр я схватил в двенадцать лет. Он до сих пор в отличном состоянии – если вспомнить всё, что я с ним делал.

Он познакомил меня с мифологией, древней историей и многими другими дисциплинами, поскольку это непредсказуемая (см. страницу 1063) книга. Другими словами, вы вряд ли найдете в ней то, что искали, но зато обнаружите три совершенно неожиданные статьи, которые окажутся даже интереснее. Прочитать только одну статью в «Брюэровском словаре» – это примерно как съесть только один орешек. Это практически невозможно. В мире много полезных книг. Но начинать лучше с «Брюэровского словаря».

Описать эту книгу непросто. Ее можно назвать «компендием» (я не нашел этого слова в своем старом издании, зато нашел «Комплютенскую полиглотту», так что время провел с пользой) мифов, легенд, цитат, исторических анекдотов и сленга, но на самом деле она куда обширнее. Пожалуй, это «образование» в самом прямом смысле этого слова. Словарь процветал в те дни до «Кто хочет стать миллионером», когда люди верили, что если терпеливо запоминать всякие мелочи, знание важных вещей разовьется само собой и человек сделается лучше.

Для этого нового издания словарь переработали. Наряду с гунном Аттилой в нем появился Гэндальф (а почему, собственно, и нет?). Нимфы поскучнее и невнятные классические пассажи уступили место таким новинкам в языке, как «с места в карьер» и «сидеть как дурак с мытой шеей». Малопонятными Брюэровский словарь признаёт только по-настоящему непонятные вещи. Жаль, что их убирают. Преданным брюэритам остается только надеяться, что однажды издательство «Кассель» согласится выпустить «законсервированное» издание, в котором сохранит все эти окаменевшие мифы и легенды.

Но сегодня – это завтрашнее вчера. Однажды Fab Four (спросите у папы) станут… ну, просто на них всем станет наплевать. Учитывая скорость, с которой всё меняется, они уже почти ушли с арены. И это очень поучительно – наблюдать, как они занимают свое место рядом с римскими сенаторами и мифологическими животными и как постепенно оседает поднятая ими пыль.

Для жителей следующего тысячелетия мы будем древностью.

«Брюэровский фразеологический словарь» – первая книга, к которой стоит обращаться, когда возникают вопросы, и последний выход, если другие справочники ничем не помогли. Ни одна книжная полка и ни один мир не могут существовать без этого словаря. Вот и всё.

Книги в мягких обложках

The Guardian, 6 декабря 2003 года

Наверное, в этом виноват интернет. Люди стали говорить о писательстве в терминах «приобретения». Откуда вы берете идеи, персонажей, время? На самом деле они говорят следующее: укажите мне дорогу к Святому Граалю.

В лучшем случае можно отделаться горстью штампов, которые стали штампами, потому что… потому это правда, потому что они работают. Я слышал размышления многих писателей на эту тему, и мы все, так или иначе, оперируем полудюжиной одних и тех же клише. Да, всё время кажется, что хотят от вас

вовсе не этого, но люди продолжают задавать вопросы, надеясь, что однажды вы забудетесь и выдадите им настоящий секрет.

Но эта газета мне заплатила. Кстати, это тоже важный совет.

Когда мне было тринадцать, я поехал на первый в своей жизни научно-фантастический конвент. Когда это было? Так давно, что все, кроме Майка Муркока, явились в спортивных пиджаках.

Почти все авторы научной фантастики раньше были ее фанатами. Они все привыкли не платить долги, а передавать опыт. Я не знаю ни одного другого литературного круга, в котором известные авторы так возились бы с новичками и растили бы себе конкурентов.

Я вернулся с конвента, твердо решив стать писателем. В конце концов, я уже пожал руку Артуру Кларку, так что теперь мне нужно было просто работать…

Первое, что я сделал, закончив писать книгу, – начал писать вторую. Такой план действий предлагал, кажется, Дуглас Адамс, хотя сам он, как известно, не сумел последовать своему совету.

Последние несколько месяцев работы над книгой очень утомительны. Письма летают туда-сюда, американскому издателю приходится объяснять все коннотации слова «какашка», он серьезно соглашается, что заменить его на «говешку» невозможно, автор таращится в текст, который прочитал уже столько раз, что совершенно утратил нить повествования, переписывает и отделывает его, а потом нажимает кнопку «Отправить». Текст улетает. В наше время автор лишен даже успокаивающей возможности распечатать рукопись. Только что вы были писателем, а теперь вы просто что-то написали. И именно в этот момент, когда теплое розовое свечение, которое окружает вас после окончания книги, уступает место черной послеродовой депрессии, из-за того что вы закончили книгу, нужно начинать сначала. К тому же это отличное оправдание – можно не убирать справочники. Сложно от этого отмахнуться, сидя в кабинете, где одни книги лежат в других вместо закладок.

Следующая вещь – пока еще не книга. Это введение, вероятное название, какие-то наброски, которые могут позднее стать сценами, диалоги, газетные вырезки,

закладки в старом учебнике или даже десять тысяч слов, напечатанных на пробу. Вы не тратите время зря. Вы снова в игре. Вы работаете над книгой. Вы настраиваете свой внутренний радиоприемник. Когда вы поймаете частоту будущей книги, информация немедленно погребет вас под собой.

О чем-то говорят по телевизору. Посторонняя книга сообщает исторический факт, который вам совершенно необходимо узнать в эту самую секунду. Вы сидите на ужине рядом с послом, который хочет поговорить о юридической коллизии, возникающей в случае убийства на территории посольства, если убийца выбегает наружу, то есть технически в другую страну, и сюжет жадно заглатывает эту мысль.

Люди – отличный источник информации. Может быть, даже лучший. Старый постовой расскажет вам о службе в полиции больше любого учебника. Пожилая дама с радостью поговорит о жизни акушерки в тридцатые годы, без всяких врачей, когда при взгляде на пациентку кровь стыла в жилах. Почтальон в отставке поведает, что разносить почту по утрам непросто не только из-за собак.

Разумеется, вы постоянно впитываете какую-то информацию. Нет ничего лучше тех сведений, которые вы получаете, когда просто развлекаетесь. На фестивале в Хей-он-Уай я увел из-под носа всех остальных авторов не слишком-то известную «Энциклопедию торговых и деловых анекдотов, содержащую интересные сведения и факты, замечательные шутки и трактовки…» (и так далее, всего шестьдесят четыре слова). Почти на каждой странице встречаются очевидные сокровища: например, в Нью-Йорке был знаменитый финансист по имени Рыбная консерва. Есть там и то, что я назвал бы открытиями второго порядка: например, представьте себе мрачный восторг викторианского автора, который пишет о семье знаменитых немецких финансистов и вдруг натыкается на фразу: «Вскоре в Нижней Саксонии жило множество богатых Фуггеров». И наконец, я смог немного лучше понять людей, для которых деньги – не средство к существованию и даже не средство получить еще больше денег, а просто окружающая среда.

За долгие годы я узнал одну или две важные вещи. Во-первых, лучшее время для работы над книгой – сразу после пробуждения. Не нужно даже вставать с постели. Мне кажется, что по ночам мой мозг заимствует какой-то другой писатель, получше. На этой стадии очень нужен блокнот. А еще важно проснуться до конца. Если бы я проснулся, то, наверное, записал бы вчера на

бумажке не только «мегаПЕД». Возможно, тут зашифрован какой-то сюжет. Не спрашивайте. Я просто записал это слово.

А если вы считаете, что у вас получается книга, напишите аннотацию. Выноску на обложку. Не думайте, что вы выше этого. Если вы сумеете выразить смысл и дух своей книги в сотне слов, это поможет сосредоточиться. Больше половины искусства писать состоит в том, чтобы вытащить книгу из своей головы.

Советы продавцам книг

Июль 1999 года

Этот текст был написан не для публикации, а для сведения достойнейшим работникам сети книжных магазинов Ottakar’s. К сожалению, магазины с тех пор закрылись, но советы остаются актуальными даже через пятнадцать лет.

Давайте начнем вот с чего: авторам мало толку от автограф-туров, и чем автор популярнее, тем его меньше. Если тур проходит хорошо, это крайне утомительно, если плохо – это утомительно, противно и крайне унизительно. Я не уверен, что это помогает продажам. Скорее, просто приводит к тому, что все книги, проданные в этом городе, будут проданы в одном магазине. Это не влияет на место в списке бестселлеров: Bookwatch, например, «корректирует» данные из магазинов, где проводились автограф-сессии, чтобы не искажать цифры, полученные со всей страны. Очень успешному автору нужно много работать, чтобы изменить свое место в списке. Есть приходится в странное время или не приходится вообще. Живешь на чемоданах. Мир вокруг расплывается.

Конечно, есть и плюсы, но в основном для магазина (который продает кучу красивых глянцевых книг) и издательства (которое завязывает отношения с магазином или сетью). А автору обычно достается только расстройство желудка.

Мы делаем это, потому что нам угрожают, потому что мы тщеславны, потому что испытываем смутное чувство, что так положено. Некоторые авторы, как ни странно, любят это занятие. Или – если привести аналогию из другой отрасли развлекательной индустрии – нам кажется, что сколько бы времени ты ни провел в студии, настоящий рок-н-ролл невозможен без гастролей.

Чего можно ожидать от автора?

Того, что он приедет вовремя, будет вежлив с персоналом (на пару авторов это правило не распространяется), дружелюбен с покупателями и останется до конца заявленного времени.

А потом начинается серая зона. Должен ли автор подписывать все книги? Писать в каждой посвящение? Подписывать книги, на которые оставили заявки по телефону? Заказы из других книжных магазинов? А если народу будет много, должен ли он задержаться, чтобы осчастливить всю-всю очередь?

Мне кажется, что в общем случае ответ «да», но автограф-туры бывают слишком напряженными и многолюдными. И вообще это самый нездоровый из известных мне способов провести пару недель (если не считать чемпионата по поеданию сала). Так что всё это следует заранее обсудить с пиарщиком.

Чего автор может ожидать от магазина?

За последние одиннадцать лет я провел «на гастролях» пятнадцать месяцев и сделал ряд заметок.

До мероприятия

У вас есть книги? Не смейтесь. Иногда их не бывает или бывает недостаточно. Легко можно наткнуться на магазин старого образца, где полагают, что для автографов можно заказать штук двадцать книг. Хорошо, когда персонал знает, что это за автор и зачем вообще все пришли.

По прибытии гость может рассчитывать на что-нибудь получше, чем «Погодите, я кого-нибудь поищу» или даже «Ой, а что, это сегодня?», Не забывайте, что автор, даже самый успешный, может казаться хладнокровным, но на самом деле нервничает, как бритая мартышка. Он будет вам страшно благодарен за дружелюбную улыбку и (предположим, что он хорошо себя вел и приехал вовремя) за то, что его быстро отведут к…

Стулу в каком-нибудь офисе – это лучше, чем табуретка где-нибудь на складе.

Нальют чашку чая и дадут чуть-чуть отдохнуть. Обычно я использую это время, чтобы подписать заказанные книги и послушать интересные сплетни. Любому автору приятно услышать, насколько хуже прошла автограф-сессия другого писателя (если вас дернет черт и вы вслух похвалите знаменитого соперника этого автора, вы заметите, как застывает его лицо. Это очень весело, но лучше все-таки так не делать).

Обычно я не пишу посвящения на книгах, заказанных по телефону, за исключением особых обстоятельств. Просто из-за нехватки времени. Но неплохо бы заранее выяснить у пиарщика, как автор к этому относится. Разумный вариант – «Мы не можем пообещать личные посвящения на предварительно заказанных книгах из-за нехватки времени», но я предпочитаю сразу говорить «нет», если мы знаем, что народу будет много. Это не дает людям ложной надежды. Между прочим, желание подписать книги для других магазинов сети вполне естественно, но не стоит на этом настаивать – большинство авторов и так не откажется, если время будет, но не давите на них. И не делайте вид, что все шестьсот экземпляров предназначены для вашего магазина. Это уже пробовали. Играйте честно.

Если местная газета, радиостанция или телеканал просит об интервью, ради всего святого, сообщите об этом как можно раньше. Лучше всего передать данные пиарщика напрямую. Тогда он сможет организовать день так, чтобы всё успеть, но нужно же знать обо всем заранее. Иначе может возникнуть щекотливая ситуация, когда автор слыхом не слыхивал ни о каком интервью (и не надо бормотать «мы с кем-то договаривались»), а от него ждут двадцатиминутной беседы, пока очередь за автографами растет. Это неприлично.

Кстати, рекламировать мероприятие надо до самого мероприятия. Жаль, что мне приходится об этом говорить.

На мероприятии

У вас есть стол и стул? Я опять же не шучу. Один магазин напрочь об этом забыл, и много раз приходилось сидеть на или за очень странными предметами мебели. Нужен настоящий стол и настоящий стул, а не табуретка перед стеллажом, где некуда деть колени. Придумайте что-нибудь, чтобы было удобно сидеть и писать несколько часов подряд.

Подумайте, где именно поставить этот стол. Я предпочитаю сидеть спиной к чему-нибудь – к стене или к шкафу. Тогда сопливый мальчик в голубой куртке не сможет два часа стоять у меня за плечом (а это довольно неприятно). Такие дети почему-то попадаются очень часто. В некоторых магазинах авторов любят сажать у дверей. Зимой это никуда не годится. Я ведь уже замерз, поставьте стол подальше от порывов ледяного ветра. Магазины, расположенные в торговых центрах, иногда ждут, что автор будет раздавать автографы за пределами самого магазина. Это, может быть, неплохо для «медийных» авторов и для тех, кто точно соберет огромную очередь, но для всех остальных это сущий ад. К тому же в торговых центрах всегда шумно, и вокруг соберется греческий хор из пожилых дам, которые будут смотреть на незадачливого писателя и приговаривать: «Ктойта? Ктойта? Он из телевизора? Ктойта?»

Ваза с цветами на столе? Это довольно мило, но кто-нибудь ее обязательно опрокинет, поэтому убирайте ее, когда автор начинает подписывать книги.

Писатели часто ездят со своими ручками, но все-таки приготовьте несколько штук, в том числе маркер, которым можно писать на глянцевой поверхности. Шариковых ручек с пожеванными кончиками лучше не надо – в них чего-то не хватает. Автор может потребовать (или высокомерно ждать), чтобы книгу раскрывали на нужной странице. Но в моем опыте большинство писателей хочет просто, чтобы персонал не пускал к ним сумасшедших с топорами.

Подумайте об очереди. Люди не должны стоять под дождем. Некоторые книжные магазины считают, что люди – это неприятность, которую следует наказать, а вовсе не клиенты. Но я с удовольствием вернусь в тот магазин, который, заставив своих покупателей ждать на улице холодным ноябрьским днем, послал в булочную через дорогу и купил двести пятьдесят горячих пирожков. Это было стильно, а может быть, и выгодно.

Дам с маленькими, но громкими детьми следует пропускать вперед, пока все остальные еще не лишились барабанных перепонок. Я выяснил, что люди в инвалидных колясках предпочитают (и даже хотят) подождать своей очереди. «Я хотя бы сижу», – сказал мне один из них. Неплохо бы тактично регулировать длинную очередь, пропуская вперед тех, кому явно тяжело долго ждать.

Если к вам приехала знаменитость с рекламой книги вроде «Эй, что там происходит? Рождественские истории», не надо шутить над человеком, который слишком долго читает собственную книгу уже в магазине. Он наверняка ее первый раз видит. И помощь с длинными словами предлагать тоже не стоит.

Почти никто не пришел? Если нет вообще никого, значит, у вас большие проблемы, особенно если вы рекламировали мероприятие. Возможно, это не ваша вина. Не бросайте автора одного, поболтайте с ним, уберите подальше от него острые предметы и расскажите, насколько сегодня всё лучше, чем в день, когда книги подписывала мисс X.

Пришло очень много людей? Большинство авторов, испытывая невероятное облегчение, подпишут книги как минимум всем тем, кто уже стоял в очереди на момент официального окончания автограф-сессии. Многие из нас будут подписывать книги, пока не уйдут все люди или пока не придется убегать. Говорят, что есть несколько писателей, которые просто уходят по окончании оговоренного времени, но если им хочется произвести плохое впечатление на кучу читателей сразу, это их право. Отнеситесь к этому стоически. Может быть, у них сегодня назначено еще одно мероприятие, или это просто была очень длинная неделя. Хороший пиарщик способен правильно рассчитать время, но пробку длиной шесть миль предсказать никто не может.

Авторы: уход и кормление

Автограф-сессии часто случаются во время обеда, поэтому неплохо бы чем-нибудь накормить автора до или после. Сэндвич – неплохой вариант, но вполне может оказаться так, что автор уже несколько недель живет на бутербродах и будет очень рад картофелине в мундире или чему-нибудь экзотическому.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Они очень хотели помочь и почти всегда делали это с отвратительной жизнерадостностью. (Здесь и далее примечания принадлежат автору, если не указано обратное.)

2

Если они все говорят с валлийским акцентом.

3

Удалить ненужное.

4

А еще я использовал это слово на первой странице «Маленького свободного народца». Не помню, какое слово выбрала нация. «Бэкхем», наверное.

Купить: https://tellnovel.com/terri-pratchett/opechatki

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити